

> МАГИСТРАЛЪ >

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

Собачье сердце

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Иллюстрации *Алексея Дурасова*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Булгаков, Михаил Афанасьевич.

Б90 Собачье сердце / Михаил Булгаков. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-102725-4

«Собачье сердце» — одно из самых известных и запоминающихся произведений Михаила Булгакова. С неподражаемым сарказмом и юмором Булгаков описал небывалый рискованный эксперимент профессора Преображенского по превращению собаки в человека, создав великолепную пародию на парадоксальную обстановку Советской России 30-х годов. Жестокий опыт по выведению новой «породы» людей показывает, что нельзя безнаказанно экспериментировать с природой и менять Божий Промысел в угоду политическим целям. Детища подобных экспериментов способны уничтожить своих создателей.

Также в состав сборника входят другие сатирические произведения: «Дьяволиада» и «Роковые яйца».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102725-4 © Булгаков М.А., наследники, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПОВЕСТИ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Повести «Дьяволиада», «Роковые яйца» и «Собачье сердце» были написаны в первые московские годы, когда никому не известный врач без связей и практически без литературных знакомств приехал в столицу, чтобы стать писателем. В этом своем намерении Михаил Булгаков проявил невероятную стойкость — отказавшись от доходной врачебной практики, он сразу и с невероятной энергией погрузился в водоворот бурной московской послереволюционной жизни. В письме к матери от 17 ноября 1921 года он писал: «Коротко могу сказать, что идет бешеная борьба за существование и приспособление к новым условиям жизни <...> В числе погибших быть не желаю». Меньше года спустя он уже был узнаваемым и любимым фельетонистом респектабельной берлинской газеты «Накануне», а еще немного позднее появился на страницах солидного альманаха. «Итак, впервые я напечатан не на газетных листах и не в тонких журналах, а в книге альманаха. Да-с. Скольких мучений стоит! Скольких?» — записал Булгаков в своем дневнике 25 февраля 1924 года.

Московские повести немало способствовали его читательскому успеху, хотя и вызвали нескрываемое раздражение и подозрение властей в их контрреволюционности. Первой была написана повесть «Дьяволиа-

да», о которой писатель сообщал своему другу Юрию Слезкину в августе 1923 года: «„Дьяволиада“ я кончил, но вряд ли она где-нибудь пойдет». Редакции не хотели принимать рискованную прозу и отказывали автору, но неожиданно Булгакову повезло — осенью 1923 года он познакомился с Николаем Семеновичем Ангарским, главой издательства «Недра». Злободневная, фантастическая, со стремительной фабулой и закрученным сюжетом повесть чрезвычайно понравилась редактору «Недр», писателю Викентию Вересаеву, и уже в феврале следующего года она была издана в четвертой книге альманаха «Недра». В этом же издательстве еще через год, в феврале 1925-го, была напечатана повесть «Роковые яйца», весной появились планы публикации «Собачьего сердца», а летом был издан первый и единственный в СССР прижизненный сборник рассказов и повестей Булгакова «Дьяволиада». Все это оказалось возможным благодаря вере в талант Булгакова и усилиям главы издательства «Недра» Николая Ангарского. К тому же он обладал ценными знакомствами и связями во власти, поэтому был одним из немногих, кто мог обходить цензуру и добиваться разрешения на публикацию сомнительных, с точки зрения бдительных цензоров, вещей. К слову, критики его за это ненавидели. В обзоре о работе издательства в 1925 году Н. Чужак, возмущенный в том числе публикациями Булгакова, писал: «...постоянные обходные действия издательства, упорно добивающегося своих целей всеми путями, можно парализовать только одним путем: лишением редакции издательства отдельных „кулуарных“, но влиятельных поддержек».

Вышедшая в 1924 году повесть «Дьяволиада» не привлекла особого внимания критиков, хотя буду-

ший друг Булгакова Евгений Замятин упомянул ее в рецензии, предположив, что «от автора, по-видимому, можно ждать хороших работ», а другой критик в «Звезде» отмечал, что вещь написана «живо и с большим юмором».

Героя повести, скромного служащего советского учреждения Главцентрбазспимат, увольняют в результате совершенной им ошибки — так начинается повесть. Вся дальнейшая цепь событий предстает в виде фантазмагорического калейдоскопа — уволенный Коротков пытается найти руководителя Спимата, объясниться и вернуться в должность, но сталкивается со страшным двойником и демоническими потусторонними силами, навлекающими на героя постепенное безумие. Повесть «Дьяволиада» своими корнями связана с русской и западной классикой — тихий и незаметный Коротков продолжает тему маленького человека из произведений Николая Гоголя, любимого писателя Булгакова, а фантазмагоричный и абсурдный мир раннесоветской бюрократии отсылает к гротеску Достоевского. Один из критиков повести назвал ее «гофманиадой из советского быта», и это было очень точное определение — слово «гофманиада» в то время было в ходу у Булгакова и его друзей-литераторов, а много лет спустя уже по другому поводу и о другом романе Булгаков писал своей жене Елене Сергеевне: «Я случайно напал на статью о фантастике Гофмана. Я берегу ее для тебя, зная, что она поразит тебя так же, как и меня. Я прав в „Мастере и Маргарите“! Ты понимаешь, чего стоит это сознание — я прав!» В «Дьяволиаде» соединились новый причудливый московский быт начала 1920-х годов, классические традиции русской литературы и монтажный принцип повествования — прием, отсылающий, по мнению

Е. Замятина, к быстрой смене картин в кинематографе. Проба пера в описании дьявола и могущественных демонических сил найдет свое продолжение в конце 1920-х годов на страницах романа о дьяволе, который уже в 1930-е годы получит название «Мастер и Маргарита». А пока Булгаков, временно оставив тему потустороннего, развивает тему фантастического, теперь уже научно-фантастического, в двух следующих произведениях.

В октябре 1924 года в доме 10 на Большой Садовой Михаил Булгаков закончил повесть «Роковые яйца» о фантастическом луче жизни, способном ускорять эволюцию и развитие клеток. Изобретатель луча профессор Персииков готовится к серии экспериментов с лучом, но в результате роковой ошибки на свет появились гигантские змеи, крокодилы и другие твари, со страшной скоростью размножающиеся, захватывающие все новые районы и уничтожающие все живое. В финале повести орды змей двинулись на Москву, но внезапно их остановил лютый мороз — на несколько дней в жарком августе температура опустилась до –20 градусов, — и все чудовища погибли. Повесть была напечатана в сборнике «Недра» и привела в восторг не только рядовых читателей (тайный осведомитель ОГПУ писал с возмущением: «Как эта книга свободно гуляет — невозможно понять. Ее читают запоем»), но и маститых писателей. Максим Горький с восхищением писал Марии Андреевой 14 мая 1925 года: «... прочитай там рассказ Булгакова «Роковые яйца», это тебя очень рассмешит. Остроумная вещь!..» Тогда же, в мае, он упомянул повесть еще раз в письме к литератору Михаилу Слонимскому: «Булгаков очень понравился мне, очень, но он не сделал конец рассказа. Поход пресмыкающихся на Москву не исполь-

зован, а подумайте, какая это чудовишно интересная картина!»

Булгаков и сам чувствовал, что финал повести мог быть эффектнее. «В повести испорчен конец, п.ч. писал я ее наспех», — записал он в дневнике 18 октября 1924 года. Скорее всего, писатель просто не успевал закончить повесть так, как хотел. Секретарь редакции «Недра» Борис Леонтьев торопил Булгакова: «Садитесь, пишите и заканчивайте! Что за стыд! Бальзак мог в один присест написать целый роман в 8—10 листов, а Вы не можете закончить повесть в 3 л.». Вполне вероятно, что у повести мог бы быть финал, предугаданный Горьким, — в берлинской газете «Дни» в январе 1925 года был напечатан краткий пересказ еще не напечатанной повести «Роковые яйца» с другой концовкой: «...необозримые полчища гадов двинулись на Москву, осадили ее и сожрали. Заключительная картина — мертвая Москва и огромный змей, обвинившийся вокруг колокольни Ивана Великого». Впрочем, далее сообщалось: «Конец Булгаков решил переработать в более оптимистическом духе. Наступил мороз, и все гады вымерли». Остается только гадать, почему Булгаков отказался от такого потрясающего финала. Вполне возможно, что не хотел рисковать, предчувствуя осложнения с цензурой.

О том, как была принята повесть, свидетельствуют не только рецензии критиков, быстро заметивших «несколько двусмысленную» ее пародийность, как писал один из них, но и тайные донесения в ОГПУ. Так, например, один осведомитель констатировал, что «повесть „Роковые яйца“ обнаруживает Булгакова как типичного идеолога современной злопыхательствующей буржуазии», а другой протестовал против самого факта публикации: «Можно просто поражаться дол-

готерпению и терпимости Советской власти, которая до сих пор не препятствует распространению книги Булгакова (изд. „Недра“) „Роковые яйца“. Эта книга представляет собой наглейший и возмутительнейший поклеп на Красную власть. Она ярко описывает, как под действием красного луча родились грызущие друг друга гады, которые пошли на Москву». Булгаков, вероятно, предвидел возможность такой реакции и сам в дневнике задавался вопросом: «Что это? Фельетон? Или дерзость? А может быть, серьезное? <...> Боюсь, как бы не саданули меня за все эти подвиги „в места не столь отдаленные“».

Следующая повесть «Собачье сердце» вызвала возмущение не только властей, но и родственников Михаила Булгакова. Светило науки профессор Филипп Филиппович Преображенский проводит эксперимент по омоложению собаки, но результатом становится ее превращение в человека — Полиграфа Полиграфовича Шарикова. В конце концов профессор проводит обратную операцию и возвращает «милейшего пса» Шарика. Среди прототипов профессора Преображенского исследователи называют самые разные имена — знаменитого физиолога Ивана Павлова, Сергея Воронова, проводившего эксперименты по омоложению во Франции, Леонида Воскресенского, экспериментировавшего уже в Москве, и других. Основным же прототипом колоритной фигуры профессора Преображенского послужил дядя Михаила Булгакова — Николай Михайлович Покровский, а прототипом Борменталья стал ассистент Н. М. Покровского — Блументаль. Совпадают очень многие биографические детали, например, Преображенский, как и Покровский, живет на Пречистенке в огромной квартире из шести комнат, с прислугой (у Покровского их даже

семь), и герой, и прототип отличаются вспльчивостью характера, очень любят застолья, часто напевают себе под нос. Николая Покровского даже пытались уплотнить, но для него это, в отличие от героя повести, закончилось плохо: «Дядю Колю, несмотря на его охранные грамоты, уплотнили <...> поселилась пара, которая ввинтила две лампы: одну в 100, другую в 50 свечей — и не тушит их ни днем ни ночью» (письмо Михаила Булгакова к сестре Надежде Земской от 24 марта 1922 года). Булгаков очень точен даже в мелочах: «— Какой там черт... Отец был судебным следователем в Вильно, — горестно ответил Борменталь, допивая коньяк. — Ну вот-с, не угодно ли. Ведь это же дурная наследственность. Пакостнее ее и представить ничего себе нельзя. Впрочем, виноват, у меня еще хуже. Отец — кафедральный протоиерей». Это действительно так — отец Николая Михайловича и дед Булгакова Михаил Васильевич Покровский был протоиереем Казанского кафедрального собора в Карачеве. Неудивительно, что Покровский сразу опознал себя в профессоре Преображенском и, по свидетельству первой жены Булгакова Татьяны Лаппа, «очень обиделся на него. Ну, и я как взяла читать, сразу догадалась, что это Николай Михайлович».

С изданием повести возникли ожидаемые сложности. Николай Ангарский убрал из текста наиболее острые, на его взгляд, моменты, задействовал все свои связи, но ничего не вышло. Повесть, отправленная Льву Каменеву для ознакомления, получила краткий, но выразительный отзыв: «<...> это острый памфлет на современность, печатать ни в коем случае нельзя». Тем временем повесть расходилась в самиздате и читалась самим автором в кругу друзей и знакомых. Один из тайных агентов побывал на чтении повести

12 *Мария Котова*

автором 7 марта 1925 года и докладывал: «„Да, — сознается профессор, — я не люблю пролетариат“. Все это слушается под сопровождение злорадного смеха никитинской аудитории. Кто-то не выдерживает и со злостью восклицает: — Утопия!» Осведомитель предупреждает ОГПУ о недопустимости публикации вредного текста и заключает: «Булгаков определенно ненавидит и презирает весь Совстрой, отрицает все его достижения».

В мае 1926 года у Булгакова прошел обыск, и хотя его самого не арестовали, но при обыске изъяли его дневники и рукопись повести «Собачье сердце».

На допросе 22 сентября того же года следователя снова интересовала повесть, и Булгакову пришлось признать: «Считаю, что произведение „Повесть о собачьем сердце“ вышло гораздо более злободневным, чем я предполагал, создавая его, и причины запрещения печатания мне понятны». Напечатана в СССР повесть была только в 1987 году.

Мария Котова

ДЪЯВОЛИАДА

*Повесть о том,
как близнецы погубили
делопроизводителя*

I

Происшествие 20-го числа

В то время, как все люди скакали с одной службы на другую, товарищ Коротков прочно служил в Главцентрбазспимате (Главная Центральная База Спичечных Материалов) на штатной должности делопроизводителя и прослужил в ней целых одиннадцать месяцев.

Пригревшись в Спимате, нежный, тихий блондин Коротков совершенно вытравил у себя в душе мысль, что существуют на свете так называемые превратности судьбы, и привил взамен нее уверенность, что он — Коротков — будет служить в базе до окончания жизни на земном шаре. Но, увы, вышло совсем не так...

20 сентября 1921 года кассир Спимата накрылся своей противной ушастой шапкой, уложил в портфель полосатую ассигновку и уехал. Это было в одиннадцать часов пополуночи.

Вернулся же кассир в четыре с половиной часа пополудни, совершенно мокрый. Приехав, он стряхнул с шапки воду, положил шапку на стол, а на шапку портфель и сказал:

— Не напирайте, господа.

Потом пошарил зачем-то в столе, вышел из комнаты и вернулся через четверть часа с большой